

Литература, 11 класс, 2 часа**Тема урока: «Петр Первый» А.Н.Толстого как исторический роман.
Образ Петра I. Становление личности в эпохе.**

- Цель урока:**
1. Углубление понятия об историческом романе.
 2. Показ становления личности Петра I в эпоху коренных преобразований.
 3. Помощь учащимся в составлении собственного мнения о личности Петра I как государственного деятеля, вызванного к жизни исторической необходимостью.
 4. Продолжение работы над языком художественного произведения; показать художественное своеобразие романа А.Н.Толстого.
 5. Помочь учащимся ощутить патриотический пафос романа.

- Оборудование:**
1. Портреты А.Н.Толстого, Петра Первого.
 2. Таблицы «Эпоха Петра I в русской живописи», «Птенцы гнезда Петрова», «Облик старой Москвы в акварелях А.Васнецова», «Роман А.Н.Толстого в иллюстрациях Д.Шмаринова», «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия!»
 3. Словарная работа.
 4. Информационные карточки с фрагментами текста романа, высказываниями о романе.
 5. Иллюстрации учащихся к роману А.Толстого «Петр I».

Эпиграфы:

История – это воскрешение.

Ж.Мишле

Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы ее, трагические и творческие эпохи, в которых завязывается русский характер.

А.Н.Толстой

Становление личности в исторической эпохе – вещь очень сложная. Это одна из задач моего романа.

А.Н.Толстой

Основные этапы урока

1. Понятие историзма. «Петр I» А.Н.Толстого как исторический роман.
2. Петр I и его эпоха в русской истории и литературе. Литературная традиция.
3. Образ Петра Первого в романе А.Н.Толстого. Становление личности Петра как государственного деятеля, вызванного к жизни исторической необходимостью.

Ход урока

I. Слово учителя. Постановка цели урока.

Французский историк Жан Мишле сказал: «История – это воскрешение».

- Воскрешение кого? или чего?

(Воскрешение прошлого, воскрешение человека, народа в целом, страны.)

- Зачем нужно это воскрешение?

(Ответ на этот вопрос содержится в словах Алексея Толстого: обращение ко второму эпиграфу. Понять и осмыслить прошлое – значит понять и осмыслить и настоящее, и будущее.)

Поэтому сегодня мы обращаемся к нашей истории и проводим урок по роману русского писателя XX века Алексея Николаевича Толстого «Петр Первый». Цель и ход урока определены уже самой темой: сегодня мы углубим понятие об историческом романе, а также, следуя за писателем, который определял задачу своего романа «показать становление личности в эпохе», мы проследим становление личности Петра I как государственного деятеля, вызванного к жизни исторической необходимостью.

II. «Петр I» как исторический роман.

1. Слово учителя.

Историзм — литературоведческое понятие, обозначающее, как одно из важных свойств художественной литературы, ее способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик той или иной исторической эпохи, его обусловленность жизнью. При этом термин «И.» применяется в двух смыслах:

1. В широком смысле И. присущ всем истинно художественным произведениям, независимо от того, изображают ли они современность или далекое прошлое. Примером могут служить баллада «Песнь о вещем Олеге» и роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. В «Песни...», основанной на летописном предании о смерти первого киевского князя Олега, с удивительным искусством передан колорит седой русской старины: тут и языческие верования в судьбу, в волхвов, и суровый дружинный быт, и величавость характеров людей той эпохи, закалённых в боях и походах. Уже в языке («пращ», «тризна», «кудесник» и др.) А. С. Пушкин воссоздает дух далекого времени.

Совершенно к иным изобразительным средствам поэт прибегает в «Евгении Онегине». Роман в стихах позволяет свободно сочетать широкие картины общественной и духовной жизни России 20-х годов XIX века с могучей лирической стихией, со страстной авторской оценкой описываемого. Столь ярко выраженная субъективность была одним из характерных исторических

признаков той эпохи, когда личное, индивидуальное заявляло о себе с невиданной силой. Поэтому для нас, отделенных от того времени большой дистанцией, «Евгений Онегин», как и «Герой нашего времени» Лермонтова, сохраняют значение правдивейших исторических свидетельств: в них верно схвачены характерные признаки своего времени. В этом смысле И. обладают великие произведения всех эпох — будь то «Илиада» Гомера, «Слово о полку Игореве», былины, «Божественная комедия» Данте, «Гамлет» и «Король Лир» Шекспира, «Дон Кихот» Сервантеса и др.

2. И.— понятие, сложившееся в литературе XIX века для обозначения нового подхода к изображению прошлого, когда писатель хочет понять и показать своеобразие более или менее отдаленной эпохи, особенности характеров и поступков людей. Иначе говоря, писатель стремится подойти к прошлому исторически. Этот новый подход проявляется в создании так называемых исторических жанров: романов, драм, поэм на исторические сюжеты. Исторический жанр возник в литературе конца XVIII — начала XIX века и связан в первую очередь с эстетикой *романтизма*. Важнейшим признаком И. в романтизме считалось воссоздание *местного колорита*, своеобразие национальных характеров, героического облика персонажей. Высшее художественное воплощение принципы романтического И. нашли в творчестве В. Скотта (1771 — 1832), знаменитого «шотландского чародея», поражавшего современников умением схватывать характерные признаки минувших эпох и воплощать в них живые картины.

К В. Скотту с величайшим уважением относился А. С. Пушкин, основоположник исторического жанра в русской литературе. А. С. Пушкин дал новую, реалистическую трактовку проблемы И.: это не просто красочный местный колорит и широкая панорамность изображения («срез» эпохи в разных социальных сферах), но и внимание к социальной борьбе, понимание народа как важнейшей исторической силы. В этом отношении особенно важна «Капитанская дочка», где характеры героев мотивируются логикой их клас-

совых интересов, где с глубочайшей симпатией нарисован вождь восставшего народа Емельян Пугачев.

Традиции пушкинской исторической прозы были развиты и обогащены в романе-эпопее Л. Толстого «Война и мир». Л. Толстой свободно соединяет судьбы вымышленных героев (Пьер Безухов, Андрей Болконский) с историческими лицами, которые, в свою очередь, вписаны в панораму огромных по масштабу исторических событий. При этом актуальные проблемы современной Л.Толстому духовной жизни (искания Пьера, князя Андрея) естественно сочетаются с разнообразными картинами русской действительности первой четверти XIX века – возникает, одним словом, органический синтез прошлого и настоящего, истории и современности, свидетельствующий о глубине исторического и художественного мышления писателей.

2. Словарная работа.

Историзм — 1. Способность художественной литературы точно передавать (воссоздавать) облик и дух исторической эпохи в конкретных человеческих судьбах и событиях. Присущ любому истинно художественному произведению, идет ли в нем речь о современности или далеком прошлом. Придает произведению характер правдивого исторического свидетельства.

2. Свойство лучших произведений исторической тематики или исторического жанра. Выражается в способности автора отобразить самобытность описываемой эпохи, показать своеобразие облика и характеров персонажей, передать местный колорит описываемого. Получает конкретное воплощение в изображении событий дальнего и недавнего прошлого, исторических деятелей, историко-бытовых, батальных сцен и пр.

3. - Итак, два понятия историзма – в широком и в узком смысле. Как по-вашему, когда мы говорим о романе А.Толстого «Петр I», какой историзм мы имеем в виду – в широком или в узком смысле этого слова? Докажите свое мнение, используя материал карточки № 1.

III. Петр I и его эпоха в русской истории и литературе. Литературная традиция.

1. - Что вы помните о царствовании Петра I? Охарактеризуйте русскую жизнь конца XVII – начала XVIII веков.

(Сообщение ученика)

2. Слово учителя:

У российских историков роль, значение и цена реформ Петра I, а также реальные альтернативы его преобразованиям оцениваются в весьма широком диапазоне: от апологетики С. Соловьева, весьма критических оценок В. Ключевского до полного развенчания деятельности первого российского императора П. Милюковым. Эти разноречивые оценки чаще всего зависят от идейно-политических позиций и, увы, сугубо конъюнктурных моментов. Спор этот может быть бесконечным, тем более, что каждый из больших историков использует свою систему отсчета.

Конечно же, личность Петра далека от идеала. Но дело не только в положительных и отрицательных чертах его натуры. Для нас, его потомков, живущих в начале XXI в., актуальны и важны вопросы: как российский император начал осуществлять тотальную европеизацию Московского царства, какие пути и способы (по нынешней терминологии, какие «технологии») им были испробованы, какую цену заплатили народы России за безудержный рывок к высотам европейской цивилизации того времени и можно ли было этой платы избежать?

Петр Великий внес самый большой вклад в европейскую историю того времени. В период его правления Россия, находящаяся на восточной периферии Старого Света и преобразованная им в империю, стала играть ведущую роль в Европе. От позиции Петербурга во многом зависело направление, ход и результаты развития европейских народов. Его вклад в развитие нашего Отечества весьма велик и неоспорим. Благодаря петровским преобразованиям Россия совершила мощный модернизационный рывок. Это позволило на-

шей стране встать в первый ряд ведущих европейских стран: Франции, Англии, Священной Римской империи германской нации, а также избежать реальной угрозы ее раздела между Швецией, Речью Посполитой, Османской империей и Персией.

Эти результаты были достигнуты благодаря огромным усилиям самого монарха и всего народа. Петр Великий провел четыре войны, которые существенно изменили политическую карту Евразии. Из 42 лет правления царя более 30 пришлось на войны. В них сложило голову около ста тысяч русских солдат. Четыреста тысяч воинов стали инвалидами и были уволены из армии по причине ранений. Такова цена победы в битвах петровской эпохи.

От Ломоносова до наших дней тема Петра I не сходит со страниц русской художественной литературы. На протяжении двух с половиной веков она разрабатывается лириками (Ломоносов, Пушкин, Некрасов, Блок), драматургами (Погодин, Аверкиев, Писемский) и особенно усердно прозаиками: над нею в художественной прозе работали Пушкин и Лев Толстой, многие писатели второго ряда — Загоскин, Лажечников, Кукольник, Н. Полевой, Масальский, Р. Зотов и позднейшие — Мордовцев, Данилевский и т. д.

В XVIII веке, в эпоху классицизма, господствовала героически-одическая тональность: поэма Ломоносова «Петр Великий», стихи, прославляющие царствование Петра (Тредиаковский, Сумароков, Херасков, Державин). В XIX веке оценки деятельности Петра разделились. Пушкин воспринимал деяния царя как подвиг, хотя уже в «Медном всаднике» противопоставил Петру как символу силы и величия маленького человека. Пушкин же одним из первых задумывается о противоречиях петровских преобразований: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые — суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые — *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом*. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у *нетерпеливо-*

го самовластного помещика». Лев Толстой, начав писать роман об эпохе Петра, отбросил работу, так как возненавидел личность царя, «благочестивейшего разбойника, убийцы». Отрицательной оценки придерживались и символисты, в частности Д. Мережковский в романе «Петр и Алексей» (1905).

Таким образом, как и в течениях русской общественной мысли, в русской художественной литературе намечаются те же два отношения к Петру. Одно выражено Пушкиным — в лирике, в поэмах, в незаконченном «Арапе Петра Великого», другое — Львом Толстым в романе «Петр I», тоже незавершенном, и Достоевским — в отдельных высказываниях этого писателя.

- Обратимся к высказыванию А.Н.Толстого: «На Петра Первого я нацеливался давно,— еще с начала февральской революции. Я видел все пятна на его камзоле,— но Петр все же торчал загадкой в историческом тумане». Образ Петра Великого действительно сопровождал А. Толстого на протяжении всего его творческого пути. Писатель неоднократно обращался к этой теме, разрабатывая ее в русле другой, очень сильной традиции. Она восходила к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, стала центральным пунктом в полемике славянофилов и западников и возродилась в творчестве русских символистов А. Белого и Д. Мережковского. В свете этой концепции Петр Первый предстает злым гением России, царем-антихристом, который всю страну «вздернул на дыбу», чтобы возвести над болотной бездной призрачный город, обреченный на гибель. Впервые А. Толстой изобразил своего героя в рассказе «День Петра» (1918).

- Послушаем мнение ученицы о рассказе «День Петра», о том, каким представляется образ Петра I в этом рассказе (индивидуальное задание).

IV. Анализ сочинений учащихся «Мое отношение к личности и деяниям Петра I».

(Сочинение проводилось в процессе подготовки к данному уроку).

.....

V. Образ Петра I. Становление личности в эпохе.

1. В чем заключается необычность, своеобразие эпохи конца XVII века?

(На Западе – переход к капитализму, развитие торговли, промышленности; начало эпохи Просвещения.

В России – византийская старина, закостенелость. Нужны были преобразования во всех сферах жизни. Переломная эпоха.)

2. Если эпоха переломная, Россия стоит на распутье, то что требовалось прежде всего?

(Личность. Личность реформатора, преобразователя).

3. Милославские и Нарышкины, между которыми происходит борьба после смерти царя Федора Алексеевича, - думали ли они о преобразованиях, мог ли кто-то из них стать реформатором?

(Первые главы романа рисуют ожесточенную борьбу за власть между двумя боярскими группами - Милославскими и Нарышкиными, представляющими старую, боярскую, допетровскую Русь. Ни ту, ни другую группу не интересовали ни интересы государства, ни судьба народа. Толстой подчеркивает это почти однотипными замечаниями, оценивающими правление одних и других. " И все пошло по-старому. Ничего не случилось. Над Москвой, над городами, над сотнями уездов ... кислые столетние сумерки - нищета, холопство, безделье" (после победы Милославских); но вот победили Нарышкины - "...стали думать и править по прежнему обычаю. Перемен особенных не случилось" Это понимает и сам народ: "Что Василий Голицын, что Борис - одна от них радость".)

4. Пришел Петр. Сразу ли стало ясно, что это именно та личность, которая сейчас нужна России? Что он реформатор, преобразователь?

(Нет, но все ждали именно такой личности:

«Про Петра ходили разные слухи, и многие полагали на него всю надежду. Россия — золотое дно — лежала под вековой тиной... Если не новый

царь поднимет жизнь, так кто же?» (Кн. 1, IV, 23) Борис Алексеевич Голицын говорил Наталье Кирилловне: «Доброго ты сына родила, умнее всех окажется, дай срок. Глаз у него не спящий». (Кн. 1, гл. III, 5)

5. Так почему он становится преобразователем?

(Эпоха потребовала.)

6. Как об этом говорит А.Толстой? Прочтите слова писателя из карточки № 2 и найдите ответ на этот вопрос.

7. А. Толстой признавался: «В моем романе центром является фигура Петра I. Остальные фигуры, сопутствующие ему, по мере важности, описываются со все меньшим количеством деталей и со все меньшей ясностью...» Как вы объясните выдвижение автором в центр повествования фигуры исторического деятеля, Петра I?

(Исторический роман требует выдвижения на первый план именно *исторической* личности. Это была именно та личность, та *фигура*, которая вывела Россию из мрака, поставила в один ряд с развитыми европейскими странами. Кроме того, роман писался в XX веке, когда значение исторической деятельности Петра I для России было уже бесспорно).

8. В вопросе о национальной самобытности Петра А. Н. Толстой стоял на позициях революционных демократов, в частности Н. Добролюбова, которому принадлежит следующее высказывание: «Петр является в нашей истории как олицетворение народных потребностей и стремлений, как личность, сосредоточившая в себе те желания и те силы, которые по частям рассеяны были в массе народной». Расскажите, как отразил Толстой в образе Петра чувство родины, понимание «народных потребностей и стремлений».

(Кн. 1, гл. III, 5: Ромодановский, вернувшись из Преображенского, куда ездил по поручению Софьи, «Докладывал правительнице: - Шалостей и забав там много, но и дела много... В Преображенском не дремлют...»

.....

Попробуйте ответить на вопрос, который мучит юного Петра, а с ним и автора, и нас, вероятно, тоже?.. — «...Откуда бы ему, сухопутному, так любить море? Но он по ночам, лежа на полатах рядом с Алексашкой, во сне видел волны, тучи над водным простором, призраки проносящихся кораблей». В самом деле, «откуда бы»?.. Почему Петру так настойчиво сопутствует море?.. Не заметили, что, прежде чем море будет сниться Петру, оно станет болью России, ее мечтой и укором себе, но объясняет ли это Петра и судьбу его и так ли важно для романа в целом?..)

9. Как раскрывает Толстой патриотизм Петра, дальновидность государственного деятеля, его полководческий талант?

(Петра тянуло в немецкую слободу; ему очень интересна жизнь на Кукуе, где он всему удивляется: "А это зачем? А это для чего? А это как устроено?" Таким он останется на всю жизнь, благодаря своему живому любопытству он будет постоянно учиться, все пропускать через себя, не бояться никакой работы, никаких трудностей. До всего он должен дойти сам; чтобы проводить реформы, ему необходимы независимость ума, отсутствие авторитетов.

Ситуация в стране заставляла Петра быть жестоким и беспощадным (часто сверх меры); страшное воровство, запустение, отсталость вызывали у него жуткий гнев.

В Голландии Петр работает на верфи матросом, не боится любого труда, учится кораблестроению. Активно формируется личность Петра, раскрывается его деятельный, государственный ум, все подчинено в нем главной цели: повернуть свою страну на путь, ведущий из прозябания и изолированности к прогрессу, к введению русского государства в круг передовых государств в качестве великой державы. Он нацеливается на войну с сильным противником — Швецией, чтобы иметь выход к Балтийскому морю. Понимая, что для этого нужно быть хорошо оснащенным и вооруженным, он решает строить на Урале заводы.

.....

Поражение под Нарвой не сломило Петра, а заставило действовать: "...воевать еще не научились... чтоб здесь пушка выстрелила, ее надо в Москве зарядить". Он начинает тщательную подготовку и через три года, выступив с новой армией, с новыми пушками против шведов, побеждает, твердо встав на берегу Балтийского моря.

Кн. 1, гл. V, 2: во время веселья в новом танц-зале Лефортова дворца, куда были приглашены иностранцы, заинтересованно слушает англичанина Сиднея, который говорит ему о том, «что у нас плохо».

Во время сватовства Саньки Бровкиной задумывается и том, что нужно своих бояр «учить политесу и танцам».

Кн. 1, гл. VI: «Никто не думал, что можно было работать с таким напряжением, как требовал Петр. Но оказалось, что можно».

Кн. 1, гл. VII, 2: после взятия Азова: «Нужно было искать союзников, со всей поспешностью улучшать и вооружать армию и флот, перестраивать насквозь проржавевшую государственную машину на новый, европейский лад и добывать денег, денег, денег...»

Кн. 1, гл. VII, 9: «Нет, теперь нам не до шуток. В два года должны флот построить, из дураков стать умными! Чтоб в государстве белых рук у нас не было».)

10. Какую роль в становлении Петра как преобразователя России сыграли азовские походы?

(Кн. 1, гл. VI: «Под высокими стенами Азова стыдно было и вспоминать недавнее молодечество – взять крепость с налету...»)

Петра изумила неудача. Ходил мрачный, неразговорчивый, будто повзрослел за эти дни. Клином засело: Азов должен быть взят! Славно ли, бесславно, — хоть всю Россию на карачки поставить, — Азов будет взят! По вечерам, сидя под звездами у землянки, покуривая, он расспрашивал Гордона о войне, о счастье, о славных полководцах.

.....

Из пушек по крепости Петр более не баловался. Дни проводил на земляных работах в апрошах, коими войска шаг за шагом приближались к крепости. Скинув кафтан и парик, копал землю, плел фашины, здесь же ел с солдатами».

После бесславного Азовского похода (глава VI) Петр не падает духом, а напротив, полон решимости взять реванш: «В молодом царе не ошиблись: он оказывался именно таким человеком, какого ждали. От беды и позора под Азовом кукуйский кутилка сразу возмужал, неудача бешеными удилами взнуздала его. Даже близкие не узнавали - другой человек, зол, упрям, деловит» (глава VII, ч.1). «В два года должны флот построить, из дураков стать умными», - беспрекословно заявляет Петр. Он человек не только слова, но и дела. Флот был построен. Азов был взят. «В первую голову это была победа над своими: Кукуй одолел Москву».

Очень возмужал Петр после поражения под Азовом; неудача закалила его, он стал упрямым, злым, деловитым. Он нацеливается на новый поход; для этого укрепляет боевую мощь: строит флот в Воронеже. И через два года победа не заставила себя ждать.)

11. Почему Петр, а не Голицын смог стать преобразователем России? Что сближает Голицына и Петра? Что отличает их? Почему Голицын, европейски образованный человек, мечтающий о преобразовании России, оказывается в лагере противников Петра?

(Голицын противопоставлен Петру. Семь лет он правил страной, понимая необходимость преобразований. Без славы окончился крымский поход под его предводительством: «Кто пойдет против руки господней? Сказано: человек, смири гордыню, ибо смертен есть» (глава III, ч. 1). В крымском походе во время боя «Василий Васильевич пеший метался по обозу, бил плетью пушкарей, хватался за колеса, вырывал фитили». Петр же в аналогичной ситуации «засучил рукава, взял банник у пушкаря, сильным движением прочистил закопченное дуло, подкинул на руках пудовый круглый снаряд, вка-

тил в дуло...». Действия Голицына суетливы, действия Петра уверенны и решительны. Василий Голицын выступил на стороне стрельцов и Софьи, чем предрешил свою судьбу. Ему не хватало настойчивости, решимости, силы воли, активности - тех черт, которые присущи Петру.)

12. Еще Пушкин определил задачи произведения, основанного на историческом материале: оно должно отражать "судьбу человеческую, судьбу народную". Н. А. Добролюбов писал: «Если автор не намерен войти в рассмотрение народной жизни, рассказывая дела своего героя; если он хочет представить исторического деятеля одного на первом плане, а все остальное считает только принадлежностями второстепенными, аксессуарами, существенно не нужными; в таком случае он может составить хорошую биографию своего героя, но никак не историю. История занимается, даже и великими, только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества». Назовите народные характеры, выведенные в романе на первый план. Как судьбы людей из народа связаны с деятельностью Петра? Какова их роль в романе?

(Одной из важнейших задач было для Толстого "выявление двигающих сил эпохи" - разрешение проблемы народа, его исторической роли во всех преобразованиях страны, наконец, изображение сложных взаимоотношений Петра и народа. На пути к преобразованиям Петр видит свою опору в народе. Широко показывает А. Н. Толстой обилие народных талантов, которые Петр подмечал и посылал учиться за границу, так как понимал, что без молодых ученых невозможно совершить преобразования в стране. Петр ценил людей не за звания и титулы, а за талантливость, умения, сноровку и трудолюбие, поэтому в его окружении было много выходцев из народа: это и Алексашка Меньшиков, и семья Бровкина, и Федор Склеяев, и Кузьма Жемов, и братья Воробьевы, и братья Баженины, и многие другие.

.....

Очень важную роль в реформах царя сыграло купечество. "Связал нас бог одной веревочкой, Петр Алексеевич, — куда ты, туда и мы", — говорит Петру от имени купцов Иван Бровкин.)

13. Как показано в романе участие народа в петровских реформах?

14. Каким изображен народ в эпизодах борьбы за Юрьев, за Нарву? В романе Петр говорит: «Русский мужик умен, смышлен, смел... А с ружьем страшен врагу». Подтвердите эти слова военными эпизодами (кн. 3).

(Совсем иная сторона взаимоотношений народа с властью предстает перед нами в описании войны, которую ведет Россия со шведами. В этих сценах на первый план выступает патриотизм народа, его стойкость, способность принести себя в жертву на благо Отечества. В эти-то моменты исчезает пропасть между народом и государством. Государство становится частью народа. Царь Петр сливается со своей армией.

Он помогает своим солдатам тянуть пушки и повозки во время переходов, находится в самой гуще сражения. Царь воюет простым бомбардиром. Противостояния нет, нет государя и его слуг. Есть только русский народ — единый, могучий, раскрывающий все свои лучшие качества. Несмотря на первое поражение под Нарвой, уже через считанные годы русская армия разбивает непобедимые корпуса шведов.

И устами царя именно народ дает гневную отповедь фельдмаршалу Огильви, который не желает видеть дисциплинированности и боеспособности в русском воинстве. Сцена осады Нарвы демонстрирует полное единение власти с народом, приведшее к окончательной победе. И глубоко символично, что именно Меншиков, выходец из народных масс, придумал военную хитрость, позволившую взять казавшуюся неприступной крепость Нарву.)

15. В каких сценах и ситуациях автор показывает нарастающий в народе социальный протест? (сцены: в кабаке на Варварке (кн. 2, I, 2); под Воронежем (кн. 2, III, 1). Найдите высказывания, свидетельст-

вующие о растущем недовольстве народа. Сделайте вывод о развитии в романе социального конфликта «народ — самодержавие».

(Тема взаимоотношений народа и государства явственно проступает буквально на первых страницах романа. Царь умер, начинается смутное время. И в разговоре мужиков в дороге звучит тревога за судьбу России, за их собственную судьбу. Ведь народ русский не мыслит себя отдельно от Отечества, будущее страны - это и будущее народа. Все ждут перемен, уверены в их неизбежности, но народ боится этого. Народ не знает, с кем ему идти, куда идти. Он не имеет решающего голоса в решении своей судьбы. Сторонники царевны Софьи умело толкают народ против сторонников Петра.

Сцены бунта, жестокое убийство Матвеева, оставившее такой глубокий след в душе маленького Петра, еще раз обнажают всю бессмысленность и беспощадность борьбы задерганных неразберихой людей, страшящихся будущего. Растет молодой царь, растет и недовольство народа правительницей Софьей и князем Василием Голицыным. На пути к преобразованиям Петр видит свою опору в народе. Выходец из народа Алексахка Меньшиков становится главным его помощником. Из детей крестьян и посадских людей Петр формирует свою потешную гвардию, Преображенский и Семеновский полки, которые впоследствии славно послужат царю и Отечеству. Придя к власти, Петр начинает реформы. Он действует жестоко, даже слишком жестоко, реализует свои замыслы без учета мнения народных масс. Петр насаждает обычаи, чуждые русскому народу, и народ стихийно протестует. Таким протестом явился стрелецкий бунт. Причиной бунта стало прежде всего непонимание народом политики царя, неприятие тех методов, которыми он пользовался. Жестокая расправа над стрельцами служит ярким примером того, что государство по-прежнему не хочет видеть души народной, по-прежнему считает его слепым орудием в своих руках. Если народ не понимает реформ, проводимых государством, это всегда оборачивается насилием, жестокостью, кровью.

.....

Отвоевав у шведов устье Невы, Петр решает строить здесь новую столицу. Строительство Петербурга потребовало колоссальных сил и напряжения русского народа. Основная трагедия в том, что власть снова видит в народе лишь средство, лишь орудие для воплощения своих замыслов. Это оборачивается неисчислимыми страданиями, гибелью сотен людей, новым противостоянием народа и царя. Власть снова не находит иного средства реализации своих планов, кроме насилия. Петербург растет на муках, на костях тысяч каторжан и крепостных. Здесь очень характерен образ каторжанина Федьки Умойся Грязью. Вместе с ним автор протестует против произвола властей, вседозволенности, отношения к людям как к винтикам государственной машины. Отношения между народом и государством в нашей стране очень противоречивы. Толстой показал их в многообразии, во всей сложности. Автор романа "Петр Первый" решает для себя проблему взаимоотношений народа и власти однозначно. Он отрицает насилие государства над народом, чем бы оно ни оправдывалось.

При всей масштабности преобразования Петра I не только не улучшили участь народа, а наоборот, привели к усилению эксплуатации, увеличению поборов с нищих крестьян. Их гоняли за тысячи верст строить корабли и города, разлучая с семьями, добывать железо, засекали до смерти в солдатах. Все это тоже освещено в романе.

"Стал не мир, а кабак, все ломают, всех тревожат... Не живут - торопят... В бездну катимся..." Сопrotивлялся и народ - "мало было прежней тяготы - волокни на новую непонятную работу - на судостроительные верфи в Воронеже". Бегство в леса дремучие, на Дон - ответ народа на все тяготы жизни в период правления Петра.

Во второй книге с еще большей силой звучит мотив социального протеста народа. Раздражение звучит и в разговоре мужиков в кабаке на Варварке, и в поведении мужиков, в их недобрых взглядах, в выкриках, в открытой ненависти крестьян к помещикам и боярам.

.....

Толстой показывает глухо бурлящий в народе протест, который должен был вылиться в восстание на Дону под предводительством Булавина. Чтоб жить " по воле, а не по указу государеву", люди бегут в леса. Движение раскольников, хотя и реакционное по своей сути, является одной из форм протеста против усилившегося гнета в период правления Петра.)

16. Назовите два-три эпизода, показывающие борьбу Петра с варварством «варварскими средствами». Можно ли оправдать его?

(Любую эпоху мы должны рассматривать с точки зрения самой эпохи. И если мы говорим, что именно эпоха вызвала к деятельности фигуру Петра, то мы также должны сознавать, что в ту эпоху и не могло быть других средств в борьбе с варварством).

17. Но есть в романе и другие строки. Путешествуя по Европе, Петр слышал ужасающие рассказы о нем, и однажды, при встрече с правительницей немецкого княжества курфюрстиной Софьей, не выдержал: «...Так вы не верьте... Больше всего люблю строить корабли... Люблю море и очень люблю пускать потешные огни. Знаю четырнадцать ремесел, но еще плохо, за этим сюда приехал... А про то, что зол и кровь люблю, — врут...» (1-я книга, 7-я гл.)...

Как по-вашему, о чем это говорит?

(Эти слова также подтверждают мысль о том, что не был Петр I тираном по натуре своей, но бороться с врагами, с варварством иными средствами было нельзя.)

Вспомним, как Петр переживает смерть матери.

18. Вспомните, какое чувство постоянно сопровождает Петра?

(Это чувство стыда: ему стыдно, когда он вспоминает о том, как бежал в Троицу; стыдно вспомнить, что он собирался взять Азов с налету; стыдно, когда он видит, как «домодельные баркасы проплывали мимо высоких бортов кораблей».

Но может ли чувство стыда возникнуть у тирана?)

.....

19. Наш разговор о романе А.Н.Толстого «Петр I» был бы неполным, если бы мы ничего не сказали о художественном своеобразии этого замечательного произведения русской литературы XX века. Прочтите материал карточки № 3.

Какие новые художественные приемы использует Толстой в своем романе?

20. Примените эти понятия к анализу эпизодов из гл. V, 16 и гл. VI первой книги романа (карточка № 4). Присмотритесь, как Толстой рисует душевное состояние персонажа. Найдите в романе свой пример, подтверждающий «теорию жеста».

VI. Заключение.

- Каково, на ваш взгляд, основное противоречие петровской эпохи?

(Благо России, ее народа было достигнуто путем тяжелейших страданий этого народа).

- Мы сегодня не ставили своей целью обвинить или оправдать Петра I в его деяниях. Но этот вопрос – Благо или Зло принес России Петр I – всегда зреет подспудно, всегда появляется на уровне подсознания, когда речь заходит об этом историческом деятеле. Если взвесить на весах нравственности, то чего больше, по-вашему, добра или зла принесли деяния Петра Первого нашей стране?

- И может быть, можно согласиться с русским философом и историком XIX века Алексеем Степановичем Хомяковым:

«Явился Петр, и по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув прекрасное и святое значение слова государство, он ударил по России как страшная, но благотворительная гроза. Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающим родину; удар по монахам, ищущим душеспасения в келиях и поборов по городам, а забывающим церковь и человечество, и братство христианское...

.....

Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и сознанию силы». («О старом и новом», 1839)

- Если судить о Петре и его эпохе с позиции Ф.М.Достоевского, сказавшего, что «...никакая высшая гармония не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ребенка...», то Петр Первый не заслуживает никаких оправданий. Но, может быть, Человечество должно было пройти определенный путь, путь, насыщенный неисчислимыми страданиями и кровью гораздо более, чем радостью и гармонией, чтобы в конце XIX века появился такой человек, как Достоевский. И эпоха Петра I в России – один из шагов на этом пути.

Список литературы по теме

1. Аркин И.И. Уроки литературы в 11 классе. Практическая методика. В 2-х кн. Кн. 2. – М.: Просвещение, 2004, с. 136-143.
2. Баранов В. Взлеты и «падения» Алексея Толстого // Литература в школе, № 6, 1989, с. 19.
3. Бутовская И.Б. и др. Дидактический материал по литературе для 10-11 классов вечерней (сменной) школы. – М.: Просвещение, 1985, с. 101-107.
4. Волков С. «Вписанный» портрет // Литература, ПС, № 5, 2002.
5. Демидова Н.А. Роман А.Н.Толстого «Петр Первый» в школьном изучении. – М.: Просвещение, 1971.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Часть II, кн. 5, гл. IV «Бунт».
7. Егорова Н.В., Золотарева И.В. Поурочные разработки по русской литературе. XX век. 11 класс. II полугодие. – М.: ВАКО, 2002, с. 44-55.
8. Журнал «Родина», № 1, 1993, с. 40.

9. История русской советской литературы. В 4-х тт. Т. 2. – М.: Наука, 1967, с. 209-244
10. Князева М.Л. Человек и портрет. – М.: Открытый мир, 1997.
11. Краткий словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1978, с. 56-58, 122-124.
12. Ланин Б.А. Семинар по роману А.Толстого «Петр Первый» // Литература в школе, № 6, 1989, с. 94.
13. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987, с. 139, 289, 329.
14. Малявина Т.П. Подготовка к сочинению на уроке синтаксиса // Русская словесность, № 5, 2001, с. 43
15. Мещерякова М. Литература в таблицах и схемах. – М.: Айрис-пресс, 2003, с. 159, 180-181.
16. Мурин Д.Н. и др. Русская литература XX века. – С.-Пб.: СМИО Пресс, 2000, с. 154-157.
17. Нелькин А.Г., Фураева Л.Д. Портрет в искусстве. Учебное пособие. – М.: Открытый мир, 1995.
18. Никитина Л.Б. НОМО SAPIENS в речевом жанре «Портретирование» // Русская словесность, № 3, 2004, с. 75-78.
19. Павленко Н.И. Петр Первый и его время. – М.: Просвещение, 1989.
20. Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1990.
21. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мысль, 1988.
22. Платонов С.Ф. Учебник русской истории. – С.-Пб.: Наука, 1994, с. 218-256.
23. Русские писатели-классики. Анализ произведений школьной программы. – Минск: 2002, с. 248
24. Русская литература XX века. 11 класс. Поурочные разработки. Методические рекомендации для учителя. Под ред. В.В. Агеносова. – М.: Дрофа, 2001, с. 151-158.

- 25.Русская литература XX века. 11 класс. Практикум. Под ред. В.П.Журавлева. – М.: Просвещение, 2000, с. 219-231.
- 26.Сарнов Б. Третий Толстой // Литература, ПС, № 11, 1995.
- 27.Свердлов М. Добро и зло в романе А.Н.Толстого «Петр Первый» // Русская словесность, № 4, 1999, с. 51-55.
- 28.Свердлов М. Заметки о романе А.Н.Толстого «Петр I» // Литература, ПС, № 16, 1999.
- 29.Свердлов М. Как читать А.Н.Толстого? // Литература, ПС, № 4, 1999.
- 30.Свердлов М. Странный талант А.Н.Толстого // Литература, ПС, № 4, 1998.
- 31.Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост. Л.И.Тимофеев, С.В.Тураев. – М.: Просвещение, 1974, с. 114-119, 275-276.
- 32.Толстой А. День Петра. – М., 1984.
- 33.Уткин А., Степанов А. Русский европеист. Уроки Петра Первого современникам и потомкам // История, ПС, № 46, 47, 2003.
- 34.Энциклопедический словарь юного литературоведа. – М.: Педагогика, 1987, с. 106, 264.
- 35.Юркина Л.А. Портрет // Русская словесность, № 5, 1995, с. 70-76.

*Из опыта работы учителя русского языка и литературы
МБОУ «Лицей № 17» г. Березовского Кемеровской области
Ширяевой Ирины Григорьевны*

Материалы к уроку

Книга 1, глава V, главки 14, 15 (к вопросу 8):

Только весной вздохнули полегче. Петра понесло в Архангельск. Опять в этот год приезжали голландские купцы Ван Лейден и Генрих Пельтенбург. Скупали они товаров против прошлогоднего вдвое: у казны — икру паюсную, мороженую лососину, разные меха, рыбий клей, шелк-сырец и, по-прежнему, деготь, пеньку, холст, поташ... У ремесленников брали изделия из русской кожи и точеной кости. Лев Кириллович, купивший у иноземца Марселиса тульский оружейный завод, навязывал голландцам разное чеканное оружие, но ломил такие цены, что они уклонялись.

К весне нагружены были шесть кораблей. Ждали только, когда пройдут льды в Северном море. Неожиданно Лефорт (по просьбе голландцев) намекнул Петру, что хорошо бы прогуляться в Архангельск; взглянуть на настоящие морские суда... И уже на другой день полетели по вологодскому тракту конные подставы и урядники с грамотами к воеводам. Петр тронулся все с той же кумпанией — князь-папа Ианикит, оба короля, Лефорт, бояре обоих королей, но, кроме того, взяли и людей деловых — думного дьяка Виниуса, Бориса Голицына, Троекурова, Апраксина, шурина покойного царя Федора, и полсотни солдат под начальством удалого Алексашки Меньшикова.

Ехали лошадьми до Вологды, где за город навстречу вышло духовенство и купечество. Но Петр торопил, и в тот же день сели в семь карбасов и поплыли по Сухони до Устюга Великого, а оттуда Северной Двиною на Архангельск.

Впервые Петр видел такие просторы полноводных рек, такую мощь беспредельных лесов. Земля раздвигалась перед взором, — не было ей края. Хмурыми грядками плыли облака. Караваны птиц снимались перед карбасами. Суровые волны били в борта, полным ветром надувались паруса, скрипели мачты. В прибрежных монастырях звонили во сретенье. А из лесов, таясь

за чащобами, недремлющие глаза раскольников следили за антихристовыми ладьями.

...За окошками, в беззвездных полусумерках белой ночи, шумел незнакомый влажный ветер, плескались волны о близкий берег.

Петр сидел на кровати. Подштанники его по колено были мокры, голые ступни стояли косолапо. Опираясь локтями о колена, прижав маленький подбородок к кулакам, он невидяще глядел на окошко. За перегородкой, перегоняя друг друга, храпели оба короля. Во всем доме,— наспех к приезду царя поставленном на Масеевом острове,— спали вповалку. Петр угонял всех в этот день...

...Сегодня на рассвете подплыли к Архангельску. Почти все были на севере в первый раз. Стоя на палубах, глядели, как невиданная заря разливалась за слоистыми угрюмыми тучами... Поднялось небывалой величины солнце над темными краями лесов, лучи распались по небу, ударили в берег, в камни, в сосны. За поворотом Двины, куда, надрываясь на веслах, плыли карбасы, протянулось, будто крепость, с шестью башнями, раскатами и полисадом, длинное здание — иноземный двор. Внутри четырехугольника — крепкие амбары, чистенькие дома под черепичными кровлями, на валах — единороги и мортиры. Вдоль берега тянулись причальные стенки на сваях, деревянные набережные, навесы над горами тюков, мешков и бочек. Свертки канатов. Бунты пиленого леса. У стенок стояло десятка два океанских кораблей да втрое больше на якорях, на реке. Лесом поднимались огромные мачты с паутиной снастей, покачивались высокие, украшенные резьбой кормовые части. Почти до воды висели полотнища флагов — голландских, английских, гамбургских. На просмоленных бортах с широкой белой полосой в откинутые люки высывались пушки...

На правом — восточном — берегу зазвонили колокола во сретенье. Там была все та же Русь, — колокольни да раскиданные, как от ленивой ску-

ки, избенки, заборы, кучи навозу. У берега — сотни лодок и паузки, груженные сырьем, прикрытые рогожами. Петр покосился на Лефорта (стояли рядом на корме). Лефорт, нарядный, как всегда, постукивал тросточкой, — под усиками — сладкая улыбочка, в припухших веках — улыбочка, на напудренной щеке — ямочка... Доволен, весел, счастлив... Петр засопел, — до того вдруг захотелось дать в морду сердечному другу Францу... Даже бесстыжий Алексашка, сидевший на банке у ног Петра, качал головой, приговаривая: «Ай, ай, ай». Богатый и важный, грозный золотом и пушками, европейский берег с презрительным недоумением вот уже более столетия глядел на берег восточный, как господин на раба...

От борта ближайшего корабля отлетело облако дыма, прокатившийся грохот заглушил колокольный звон. Петр кинулся с кормы, отдавливая ноги гребцам, — подбежал к трехфунтовой пушечке, вырвал у бомбардира фитиль. Выстрел хлопнул, но разве можно было сравнить с громом морского орудия? В ответ на царский салют все иноземные корабли окутались дымом. Казалось — берега затряслись... У Петра горели глаза, повторял: «Хорошо, хорошо...» Будто ожили его детские картинки... Когда дым уплыл, на левом берегу, на причальной стенке показались иностранцы, — махали шляпами... Ван Лейден и Пельтенбург... Петр сорвал треугольную шляпу, весело замахал в ответ, крикнул приветствие... Но сейчас же, — видя напряженные лица Апраксина, Ромодановского, премудрого дьяка Виниуса, — сердито отвернулся...

...Сидя на кровати, он глядел на серый полусвет за окошком. В Кукуй-слободе были свои, ручные немцы. А здесь непонятно, кто и хозяин. И уж до того жалки показались домодельные карбасы, когда проплывали мимо высоких бортов кораблей... Стыдно! Все это почувствовали: и помрачневшие бояре, и любезные иноземцы на берегу, и капитаны, и выстроившиеся на шканцах матерые, обветренные океаном моряки... Смешно... Стыдно... Боярам (может быть, даже и Лефорту, понимавшему, что должен был чувствовать

Петр) хотелось одного лишь: уберечь достоинство. Бояре раздувались спесиво, хотя бы этим желая показать, что царю Великия, Малыя и Белыя России не очень-то и любопытно глядеть на купеческие кораблишки... Будет надобность — свои заведет, дело нехитрое... А захочет, чтоб эти корабли в Белое море впредь не заходили, — ничего не поделаете, море наше.

Приплыви Петр не на длинных лодках, может быть, и он заразился бы спесью. Но он хорошо помнил и снова видел гордое презрение, прикрытое любезными улыбками у всех этих людей с Запада — от седобородого, с выбитыми зубами матроса до купца, разодетого в испанский бархат... Вон — высоко на корме, у фонаря, стоит коренастый, коричневый, суровый человек в золотых галунах, в шляпе со страусовым пером, в шелковых чулках. В левой руке — подзорная труба, прижатая к бедру, правая опирается на трость... Это капитан, дравшийся с корсарами и пиратами всех морей. Спокойно глядит сверху вниз на длинного, нелепого юношу в неуклюжей лодке, на царя варваров... Так же он поглядывал сверху вниз где-нибудь на Мадагаскаре, на Филиппинских островах, приказав зарядить пушки картечью...

И Петр азиатской хитростью почувствовал, каким он должен появиться перед этими людьми, чем, единственным, взять верх над ними... Их нужно было удивить, чтобы такого они сроду не видывали, чтобы рассказывали дома про небывалого царя, которому плевать на то, что — царь... Бояре — пусть надуваются, — это даже и лучше, а он — Петр Алексеев, подшкипер переяславского флота, так и поведет себя: мы, мол, люди рабочие, бедны да умны, пришли к вам с поклоном от нашего убожества, — пожалуйста, научите, как топор держать...

...Вечером пировали на иноземном дворе. Петр так отплясывал с англичанками и ганноверками, что отлетели каблуки. Да, такого иноземцы видели в первый раз...

И вот — ночь без сна... Удивить-то он удивил, а что ж из того? Какой была, — сонной, нишей, непроворотной, — такой и лежит Россия. Какой там стыд! Стыд у богатых, у сильных... А тут непонятно, какими силами растолкать людей, продрать им глаза... Люди вы, или за тысячу лет, истеча слезами, кровью, отчаявшись в правде и счастье,— подгнили, как дерево, склонившееся на мхи?

Черт привел родиться царем в такой стране!

Вспомнилось, как осенней ночью он кричал Алексашке, захлебываясь ледяным ветром: «Лучше в Голландии подмастерьем быть, чем здесь царем...» А что сделано за эти годы — ни дьявола: баловался! Васька Голицын каменные дома строил, хотя и бесславно, но ходил воевать, мир приговорил с Польшей... Будто ногтями схватывало сердце, — так терзали раскаяние, и злоба на своих, русских, и зависть к самодовольным купцам, — распустят вольные паруса, поплывут домой в дивные страны... А ты — в московское убожество... Указ, что ли, какой-нибудь дать страшный? Перевешать, перепороть...

Но кого, кого? Враг невидим, неохватим, враг — повсюду, враг — в нем самом...

Самобытный – своеобразный, не похожий на других, идущий своими путями, самостоятельный в своем развитии; оригинальный.

(Попробуйте ответить на вопрос, который мучит юного Петра, а с ним и автора, и нас, вероятно, тоже?... — «...Откуда бы ему, сухопутному, так любить море?..» В самом деле, «откуда бы»?.. А каково вам в завершение 2-й книги: «...Желанное, возлюбленное здесь было место...»? Почему Петру так настойчиво сопутствует море?.. Не заметили, что, прежде чем море будет сниться Петру, оно станет болью России, ее мечтой и укором себе, но объясняет ли это Петра и судьбу его и так ли важно для романа в целом?..)

Переход к 4 части урока:

Классический - русский и европейский - исторический роман «отказывается от изложения исторических фактов и берет их только в связи с частным событием, составляющим его содержание; но через это он разоблачает перед нами внутреннюю сторону, изнанку, так сказать, исторических фактов, вводит нас в кабинет и спальню исторического лица, делает нас свидетелями его домашнего быта, его семейных тайн, показывает его нам не только в парадном историческом мундире, но и в халате с колпаком» (Белинский).

Еще Пушкин определил задачи произведения, основанного на историческом материале: оно должно отражать "судьбу человеческую, судьбу народную".

Жан Мишле заметил: «История — это воскрешение».

владел богатым русским языком, все русское знал и чувствовал как очень немногие... (Бунин)

Правда заключается в том, что А.Н. Толстой был до мозга костей русским человеком. Он не мыслил себя вне России — не только духовно, но и физически не мог жить вдали от нее. (Сарнов)

А.Н. Толстой был всей душой "за Петра", а не "за Софью". Но лишь по той единственной причине, что именно Петр был для него средоточием, наиболее полным и наиболее ярким воплощением всего самого что ни на есть русского: русской широты, русского размаха, русской "смасшедчинки", русской всемирности, русской государственности, русского здравого смысла, русского насмешливого пренебрежения ко всяческой мистике, легко отождествляемой с ханжеством. (Сарнов)

«Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых.

Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы. <...>

Все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем свершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик собственный, но вколотить в истрепанный бурями русский корабль. По примеру Петра».

А. Н. Толстой. Открытое письмо Н. В. Чайковскому, 1922

«Каким образом люди далекой эпохи получились у меня живыми? Я думаю, если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей,— эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гаданья, лучину, овины, которые особенным образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями. И отсюда появлялось ощущение эпохи, ее вещественность.

Этих людей, эти типы я потом проверял по историческим документам. Документы давали мне развитие романа, но вкусовое, зрительное восприятие, идущее от глубоких детских впечатлений, те тонкие, едва уловимые вещи, о которых трудно рассказать, давали вещественность тому, что я описывал. Национальное искусство — именно в этом, в запахах родной земли, в родном языке, в котором слова как бы имеют двойной художественный смысл — и сегодняшней, и тот, впитанный с детских лет, эмоциональный, в словах, которые на вкус, на взгляд и на запах — родные. Они-то и рожают подлинное искусство».

А. Н. Толстой. К молодым писателям, 1938

«Масштаб повествования в «Петре Первом» необычайно велик, круг действующих лиц очень широк. Мы видим бояр, купцов, стрельцов, дипло-

матов, представителей духовенства, раскольников, солдат, беглых мужиков, казаков и т. д. Действие происходит то в России, то на Украине, то в Турции, то в Голландии или Швеции. Перед нами проходят разнообразнейшие картины: заседание в Боярской думе, богослужение в Успенском соборе, кабаки на Варварке, лагерь под Азовом, раскольничья обитель на севере, придорожный трактир в Германии, улицы и площади старой Москвы, спальня шведского короля и т. д. и т. п. И при таком обилии картин, множестве разнообразных эпизодов действие в романе свободно, естественно переключается из одного повествовательного плана в другой, давая многостороннее изображение эпохи в ее различных разрезах».

А. В. Алпатов. Алексей Толстой — мастер исторического романа, 1958

«О петровском времени Толстой пишет так, будто сам чокался с Петром Алексеевичем, и качался вместе с ним на невской волне, в утлом боте, и вгонял сваи в мокрую чухонскую землю, и был под стенами Нарвы, и беседовал с горемыкой Голиковым, потягивая из трубки заморское зелье».

Александр Дроздов. Об А. Н. Толстом, 1945

В процессе работы над «Петром Первым» А. Толстой разработал собственную теорию исторического романа, в заметках, статьях и высказываниях определил основные принципы его поэтики. Он писал: «В каждом произведении, в том числе — в историческом романе, в исторической повести — мы ценим прежде всего фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи и осмысливающего эту эпоху». Роман убедительно показывает мастерство писателя в воссоздании живой картины эпохи. Его отличает сложная система образов, включающая в себя исторические лица и вымышленных персонажей из всех слоев общества. Рассказывая историю их жизни, автор переносит действие из царского дворца, Грановитой палаты или Успенского собора в Немецкую слободу, бояр-

скую усадьбу или курную крестьянскую избу, редуты военного лагеря или пыточный застенок. Необозримо широко географическое пространство романа — от северных болот до южных степей и дальше, охватывает иноземные Германию, Польшу, Голландию, Турцию.

А. Толстой был наделен редким, но для исторического писателя необходимым даром *пластического изображения*, мастерством словесной живописи. Подробности одежды, бытового окружения выписаны очень тщательно. Но, помимо передачи колорита эпохи, вещественности окружающего мира, это умение видеть «все пятна на камзоле Петра» служило задаче тонкой психологической характеристики героев. Голландское платье Петра, короткие бархатные штаны с лентами и башмачки князя В. Голицына становились предметными символами характера, точно так же как «новый бараний полушубок, крытый синим сукном», опредмечивал превращение нищего холопа Ивашки в именитого купца Ивана Артемьича. Эти же функции выполняют и все детали быта и интерьера, использованные писателем.

Авторские обобщения о судьбах Родины

...А где деньги? Туго, весьма туго.

Торговлишка плохая. Своему много не продашь, свой — гол. За границу не повезешь,— не на чем. Моря чужие. Все торги с заграницей прибрали к рукам иноземцы. А послушаешь, как торгуют в иных землях,— голову бы разбил с досады. Что за Россия, заклятая страна,— когда же ты с места сдвнешься? (Кн. 1, гл. II, 1)

Новые министры,— так начали называть их тогда иноземцы,— выбили из приказов одних дьяков с подьячими и посадили других и стали думать и править по прежнему обычаю. Перемен особенных не случи-

лось. Только в кремлевском дворце ходил в черных соболях, властно хлопал дверями, щепотно стучал каблуками Лев Кириллович вместо Ивана Мило-славского...

Это были люди старые, известные,— кроме разорения, лихоимства и беспорядка и ждать от них было нечего. В Москве и на Кукуе — купцы всех сотен, откупщики, торговый и ремесленный люд на посадах, иноземные гости, капитаны кораблей — голландские, ганноверские, английские — с великим нетерпением ждали новых порядков и новых людей. Про Петра ходили разные слухи, и многие полагали на него всю надежду. Россия — золотое дно — лежала под вековой тиной... Если не новый царь поднимет жизнь, так кто же? (Кн. 1, IV, 23)

Жилось худо, скучно. При Софье была еще кое-какая узда, теперь сильные и сильненькие душу вытряхивали из серого человека. Было неправое правление от судей и мздоимство великое и кража государственная. Много народу бежало в леса воровать. Иные уходили от проклятой жизни в дремучую глушь, на северные реки, чтоб не тянуть на горбе кучу воевод, помещиков, дьяков и подьячих, целовальников и губных старост, кровожаждущих без закона и жалости.

Не мила, не уютна была русская земля — хуже всякой горькой неволи, — за тысячу лет исхоженная лаптями, с досадой ковыряемая сохой, покрытая пеплом разоренных деревень, непомянутыми могилами. Бездолье, дичь. (Кн. 1, V, 12)

Зима выпала студеная. Всего не хватало. Люди гибли сотнями. Во сне не увидеть такой неволи, бежавших — ловили, ковали в железо. Вьюжный ветер раскачивал на виселицах мерзлые трупы. Отчаянные люди поджигали

леса кругом Воронежа. Мужики, идущие с обозами, резали солдат-конвоиров; разграбив что можно, уходили куда глаза глядят... В деревнях калечились, рубили пальцы, чтобы не идти под Воронеж. Упиралась вся Россия,— воистину пришли антихристовы времена: мало было прежней тяготы, кабалы и барщины, теперь волокли на новую непонятную работу. Ругались помещики, платя деньги на корабельное строение, стонали, глядя на незасеянные поля и пустые житницы. Весьма неодобрительно шепталось духовенство, черное и белое: явственно сила отходила от них к иноземцам и к своей всякой нововысканной и непородной сволочи...

Трудно начинался новый век. И все же к весне флот был построен. Из Голландии выписаны инженеры и командиры полков. В Паншине и Черкаске поставлены большие запасы продовольствия. Войска пополнены. В мае месяце Петр на новой галере «Принки-пиум» во главе флота появился под Азовом. Турки, обложенные с моря и суши, оборонялись отчаянно, отбили все штурмы. Когда вышел весь хлеб и весь порох, сдались на милость.

В первую голову это была победа над своими... (Кн. 1, VII, 1)

Всю зиму были пытки и казни. В ответ вспыхивали мятежи в Архангельске, в Астрахани, на Дону и в Азове. Наполнялись застенки, и новые тысячи трупов раскачивала вьюга на московских стенах. Ужасом была охвачена вся страна. Старое забилося по темным углам. Кончалась византийская Русь. В мартовском ветре чудились за балтийскими побережьями призраки торговых кораблей. (Кн. 1, VII, 21)

Кричали петухи в мутном рассвете. Неохотно занималось февральское утро. Ночные сторожа, путаясь в полах бараньих тулупов, убирали уличные рогатки. Печной дым стлало к земле, горячим хлебом запахло в кривых пере-

улках. Проезжала конная стража, спрашивали у сторожей — не было ли ночью разбою? «Как не быть разбою,— отвечали сторожа,— кругом шалют...»

Неохотно просыпалась Москва. Звонари лезли на колокольни, зябко кряхтя, ждали, когда ударит Иван Великий. Медленно, тяжело плыл над мглистыми улицами великопостный звон. Заскрипели,— открывались церковные двери. Дьячок, слюня пальцы, снимал нагар с неугасимых лампад. Плелись нищие, калеки, уроды,— садиться на паперти. Ругались вполголоса натошак. Крестьясь, махали туловищем в темноту притвора на теплые свечечки. (Кн. 2, I, 1)

Кругом — высокий тын, у ворот — сторожа злее собак. В темных клетях, согнувшись за стучащими стенами, и песни не запоешь,— ожжет тростью по плечам иностранец-мастер, пригрозит ямой. В деревне мужик хоть зимой-то выпится на печке. Здесь и зиму и лето, день и ночь махай челноком. Жалованье, одежда — давно пропиты,— вперед. Кабала. Но страшнее всего ходили темные слухи про уральские заводы и рудники Акинфия Демидова. Из приписанных к нему уездов люди от одного страха бежали без памяти.

Приказчики-вербовщики Акинфия Демидова ходили по базарам и кабакам, широко угощали всякого, сладкоречиво расписывали легкую жизнь на Урале. Там-де земли — непочатый край,— поработай с годик, денежки в шапку зашил, иди с богом, мы не держим... Хочешь старайся, ищи золото,— там золота, как навоза под ногами.

Напоив подходящего человека, такой приказчик,— уговором или обманом,— при свидетеле-кабатчике подсовывал кабальную запись: поставь, мила голова, крест чернилом вот туточко. И — пропал человек. Сажали его в телегу, если буйный — накладывали цепь, везли за тысячу верст, за Волгу, за

ковыльные киргизские степи, за высокие лесные горы — на Невьянский завод, в рудники.

А уж оттуда мало кто возвращался. Там людей приковывали к наковальням, к литейным печам. Строптивых пересекали лозами.

Бежать некуда — конные казаки с арканами оберегали все дороги и лесные тропы. А тех, кто пытался бунтовать, бросали в глубокие рудники, топили в прудах.

После рождества начался новый набор в войско. По всем городам царские вербовщики набирали плотников, каменщиков, землекопов. От Москвы до Новгорода в извозную повинность переписывали поголовно. (Кн. 2, V, 6)

Кровавыми усилиями проход из Ладоги в открытое море был открыт. С востока потянулись бесчисленные обозы, толпы рабочих и колодников. (Петр писал Ро-модановскому: «.,в людях зело нужда есть, вели по всем городам, приказам и ратушам собрать воров,— слать их сюда».) Тысячи рабочих людей, пришедших за тысячи верст, перевозились на плотах и челнах на правый берег Невы, на остров Койбусаари, где на берегу стояли шалаши и землянки, дымили костры, стучали топоры, визжали пилы. Сюда, на край земли, шли и шли рабочие люди без возврата. Перед Койбусаари — на Неве — на болотистом острове Яннисаари, в обережение дорого добытого устья всех торговых дорог русской земли,— начали строить крепость в шесть бастионов. («...Строить их шести начальникам: первый бастион строит бомбардир Петр Алексеев, второй — Меньшиков, третий — князь Трубецкой, четвертый — князь-папа Зотов...») После закладки,— на большом шумстве в землянке у Петра, при заздравных стаканах и пушечной пальбе, крепость придумано было назвать Питербурх.

Открытое море отсюда было — подать рукой. Ветер покрывал его веселой зыбью. На западе, за парусами шведских кораблей, стояли высокие

морские облака,— будто дымы другого мира. Смотрели на эти нерусские облака, на водные просторы, на страшные пожары вечерней зари лишь дозорные солдаты на пустынном Котлин-острове. Не хватало хлеба. Из разоренной Ингрии, где начиналась чума, не было подвоза. Ели корни и толкли древесную кору. Петр писал князю-кесарю, прося слать еще людей,— «зело здесь болеют, а многие и померли». Шли и шли обозы, рабочие, колодники... (Кн. 2, V, 7)

Скучно стало в Москве. В обеденную пору — в июльский зной — одни бездомные собаки бродили по кривым улицам, опустив хвосты, принюхивая всякую дрянь, которую люди выбрасывали за ненадобностью за ворота. Не было прежней толкотни и крика на площадях, когда у иного почтенного человека полы оторвут, зазывая к палаткам, или вывернут карманы, раньше чем он что-нибудь купит на таком вертячем месте. Бывало, еще до зари ото всех слобод, — арбатских, Сухаревских и замоскворецких,— везли полные телеги красного, скобяного и кожевенного товара,— горшки, чашки, плошки, кренделя, решета с ягодой и всякие овощи, несли шести с лаптями, лотки с пирогами, торопясь, становили телеги и палатки на площадях. Опустели стрелецкие слободы, дворы на них позападали, поросли глухой крапивой. Много народу работало теперь на новозаведенных мануфактурах вместе с колодниками и кабальными. Полотно и сукно оттуда шло прямо в Преображенский приказ. Во всех московских кузницах ковали шпаги, копья, стремена и шпоры. Конопляной веревочки нельзя было купить на Москве,— вся конопля взята в казну. (Кн. 3, I, 1)

.....

Карточка-информатор № 1

Плохо стало жить,— с каждым годом — скуднее, тревожнее... Что ни грамота: «Царь-де сказал, бояре приговорили»,— то новая беда: плати, гони деньги в прорву... Кому пожалуешься, кто защитит? Верхние бояре? Они одно знают — выколачивать деньги в казну, а как эти деньги доставать — им все равно. Последнюю рубаху сними,— отдай. Как враги на Москве. (Кн. 1, гл. I, 10)

Приев и выпив кремлевские запасы, стрельцы разошлись по слободам, посадские — по посадам. И все пошло по-старому. Ничего не случилось. Над Москвой, над городами, над сотнями уездов, раскинутых по необъятной земле, кисли столетние сумерки — нищета, холопство, бездолье.

Мужик с поротой задницей ковырял кое-как постылую землю. Посадский человек от нестерпимых даней и поборов был на холодном дворе. Стонало все мелкое купечество. Худел мелкопоместный дворянин. Истощалась земля; урожай сам-три — слава тебе, господи. Кряхтели даже бояре и именитые купцы. Боярину в дедовские времена много ли было нужно? — шуба на соболях да шапка горлатная— вот и честь. А дома хлебал те же щи с солониной, спал да молился богу. (Кн. 1, гл. II, 1)

Иноземцы, бывавшие в Кремле, говорили с удивлением, что, не в пример Парижу, Вене, Лондону, Варшаве или Стокгольму, царский двор подобен более всего купеческой конторе. Ни галантного веселья, ни балов, ни игры, ни тонкого развлечения музыкой. Золотошубные бояре, надменные князья, знаменитые воеводы только и толковали в низеньких и жарких кремлевских покоях, что о торговых сделках на пеньку, поташ, ворвань, зерно, кожи... Спорили и лаялись о ценах. Вздыхали — что, мол, вот земля обильна и всего много, а торговля плоха, обширны боярские вотчины, а продавать из

них нечего. На Черном море — татары, к Балтийскому не пробьешься. Китай далеко, на севере все держат англичане. Воевать бы моря, да не под силу.

К тому же мало поворотливы были русские люди. Жили по-медвежьи за крепкими воротами, за неперелазным тыном в усадьбах на Москве. В день отстаивали три службы. Четыре раза плотно ели, да спали еще днем для приличия и здоровья. Свободного времени оставалось немного: боярину — ехать во дворец, дожидаться, когда царю угодно потребовать от него службы, купцу — сидеть у лавки, зазывать прохожих, приказному дьяку — сопеть над грамотами. (Кн. 1, гл. II, 4)

Под Нарвой было нехорошо. Две недели бомбардировали, взрывали мины, подходили апрошами,— стен так и не проломили и города не подожгли. На штурм генералы не решились. Из ста тридцати орудий разорвало и попортило половину. Вчера стали подсчитывать — пороху и бомб в погребах осталось на день такой стрельбы, а пороховые обозы все еще тащились где-то под Новгородом.

Шведская армия скорыми маршами подходила по ревельской дороге и сейчас, может быть, уже билась в пигаиокских теснинах с Шереметьевым. Русские оказывались как в клещах,— между артиллерией крепости и подступающим Карлом...

— Нашумели много... Это можем,— Петр бросил ложку.— Воевать еще не научились. Не с того конца взялись... Никуда это дело еще не годится. Чтоб здесь пушка выстрелила, ее надо в Москве зарядить... (Кн. 2, гл. IV, 3)

Петр Алексеевич был сегодня доволен и тем, что Данилыч поставил назло шведам такой хороший дом, с Нептуном и морской девой на крыше, и тем, что за столом сидят все свои люди и спорят и горячатся о большом деле, не задумываясь,— сколь оно опасно и удастся ли оно, и в особенности радо-

вало сердце то, что здесь, где сходились далекие замыслы и трудные начинания, все то, что для памяти он неразборчиво заносил в толстенную записную книжку, лежавшую в кармане вместе с изгрызанным кусочком карандаша, трубкой и кисетом, — все это стало въяве, — ветер рвет флаг на крепостном бастионе, из топких берегов торчат сваи, повсюду ходят люди в трудах и заботах, и уже стоит город как город, еще невелик, но уже во всей обыкновенности.

Петр Алексеевич, покусывая янтарь трубки, слушал и не слушал, что ему бубнил про гнилое сено сердитый Брюс, что кричал, силясь дотянуться чаркой, пьяный Чамберс... Желанное, возлюбленное здесь было место. Хорошо, конечно, на Азовском море, белесом и теплом, добытом с великими трудами, хорошо на Белом море, колышущем студёные волны под нависшим туманом, но не равняться им с морем Балтийским — широкой дорогой к дивным городам, к богатым странам. Здесь и сердце бьется по-особенному, и у мыслей распахиваются крылья, и сил прибывает вдвое... (Кн. 3, гл. II, 4)

Петр Алексеевич плыл к Нарве с победой, вез шведские знамена, сваленные под грот-мачтой, — третьего дня штурмом был взят Юрьев. У короля Карла выдернуто еще одно перо из хвоста. Императору, королям английскому и французскому посланы грамоты, что-де «божьим промыслом вернули мы нашу древнюю вотчину — городок Юрьев, поставленный семьсот лет тому назад великим князем Ярославом Владимировичем для обороны украин русской земли...»

...И еще было удовольствие: поглядывая на далекий лесной берег — знать, что берег — недавно шведский — теперь наш и Чудское озеро опять целиком наше. (кн. 3, гл. VI, 1)

Трое суток он не давал людям ни отдыха, ни сна. Днем все войско на глазах у шведов продолжало прежние осадные работы, рыли шанцы под пу-

лями и ядрами, сколачивали лестницы. Ночью тайно, не зажигая огней, впрягали быков в пушки и мортиры и везли их на новые места,— на край болота и через плавучий мост — за реку, укрывали батареи за фашинами и валами.

...Петр Алексеевич был на южной батарее. Кричать, учить, сердиться ему не пришлось, — едва успевал вертеть головой, глядя на пушкарей, да приговаривал: «Ай-лю-лю, ай-лю-лю...» Едва только человеку скоро прочесть «Отче наш» — стволы уже прочищены банниками, вложены картузы с порохом, вбиты ядра, подсыпана затравка, наведен прицел... (кн. 3, гл. VI, 2)

Карточка-информатор № 2

А. Н. Толстой в беседе с коллективом редакции журнала «Смена» говорил:

«Становление личности в исторической эпохе — вещь очень сложная... Личность Петра оказалась чрезвычайной и сама стала воздействовать на эпоху. Петр становится фокусом приложения действующих сил, становится во главе классовой борьбы между помещным дворянством и нарождающейся буржуазией. Но фокусом, повторяю, не пассивным, а действующим, волевым. Эпохе нужен был человек, его искали, и он сам искал приложения своим силам. Здесь было взаимодействие. Конечно, один он ничего сделать не мог. Вокруг него накапливались силы...»

Карточка-информатор № 3

А. Н. Толстой в беседах, статьях часто говорил о «секретах» писательского дела, о приемах изображения жизни. Он ввел такие литературоведческие понятия, как *луч зрения* (или *точка зрения*), *теория жеста*... Художественные приемы, обозначенные этими терминами, помогают писателю раскрыть внутренний мир человека, показать быт, обстановку как бы изнутри.

«Основное в работе над романом, без чего совсем нельзя писать,— это точка зрения... Что это значит?

Это значит, что, когда вы пишете о чем-нибудь или о ком-нибудь или что-нибудь описываете, вы должны найти исходную точку зрения не в переносном, а в буквальном смысле слова — луч зрения.

От кого это исходит?

От писателя.

Вы пишете то, что видите в данный момент... А затем, что еще важнее,— это точка зрения персонажа.. Вот такая точка зрения, точка зрения персонажа,— абсолютно необходимая вещь для писания. При этом она может перемещаться». [От персонажа — к автору и снова к персонажу.]

«Когда вы пишете фразу, вы должны знать и сознавать совершенно ясно, кто это смотрит, чьи это глаза видят, потому что вообще писать невозможно. А когда вы определили точку зрения и начинаете смотреть чьими-то глазами, получается четко и выпукло». (А. Н. Толстой. «Мой творческий опыт — рабочему автору».)

Толстой утверждал, что внешний жест связан с речью, иногда даже заменяет слово:

«В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, и жест этот подсказывает мне глагол, чтобы дать движение, вскрывающее психологию». (А.Н. Толстой. «Как мы пишем».)

«Жест всегда должен быть предугадан художником как результат душевного движения.

За жестом следует слово. Жест определяет фразу. И если вы, писатель, почувствовали, предугадали жест персонажа, которого вы описываете,.. вслед за угаданным вами жестом последует та единственная фраза, с той именно расстановкой слов, с тем именно выбором слов, с той ритмикой, которые соответствуют жесту вашего персонажа, то есть его душевному состоянию в данный момент». (А. Н. Толстой. «К молодым писателям».)

Карточка-информатор № 4

Книга 1, глава V, главка 16:

Жигулин, видимо, смекнул, что здесь не разбивать лоб, а надо показывать мошну, с достоинством разобрал усы, поглядел на козловые свои сапоги, кашлянул густо.

— Бьем челом великому государю... Как мы узнали, что ты корабли строишь на Двине, — батюшки, радость-то какая! Хотим, чтоб не велел нам продавать товар иноземцам... Ей-ей, даром отдаем, государь... Ворвань, тюленьи кожи, семга соленая, рыба кость, жемчуг... Вели нам везти на твои корабли... Совсем разорили нас англичане... Смилуйся! Уж мы стараемся, чем чужим королям, — своему послужим.

Петр блестел на него глазами; потянувшись, хлопнул по плечу, оскалился радостно:

— К осени два корабля построю, да третий в Голландии куплен... Везите товар, но без обману, — смотри!

— Да мы, господи, да...

— А сам поедешь с товаром?.. Первый коммерциентрат... Продавать в Амстердам?..

— Языкам не учен... А повелишь, так — что ж? Поторгуем и в Амстердаме, в обман не дадимся.

— Молодец!.. Андрей Андреевич, пиши указ... Первому негоцианту-навигатору... Как тебя, — Жигулин Иван, а по батюшке?..

Жигулин раскрыл рот, поднялся, глаза вылезли, борода задралась.

— Так с отчеством будешь писать нас?.. Да за это — что хошь!

И, как перед спасом, коему молился об удаче дел, повалился к царским ножкам...

Книга I, глава VI:

Петр и Лефорт, оставив войско, поскакали в Паншино. Небольшая станица на острове посреди Дона была окружена, как горелым лесом, оглоблями обозов. Повсюду лежали большерогие вола, паслись стреноженные лошади. Но — ни живой души: в послеобеденный час спали часовые, караульщики, извозные, солдаты. Одинокó простучали по-над Доном копыта всадников. На бешеный окрик Петра чья-то взлохмаченная голова вылезла из-за плетня, из конопли. Почесываясь, мужик повел к хате, где стоял боярин... Петр рванул дверь, загудели потревоженные мухи. На двух сдвинутых лавках, покрывшись с головой, спал Стрешнев. Петр сорвал одеяло. Схватил за редкие волосы перепуганного боярина, — не мог говорить от ярости, — плюнул ему в лицо, стащил на земляной пол, бил ботфортом в старческий мягкий бок...

Часто дыша, присел к столу, велел открыть ставни. Глаза выпучены. Под загаром гневные пятна на похудевшем лице.

— Докладывай... Встань! — крикнул он Стрешневу. — Сядь. Подрядчиков повесил? Нет? Почему?

— Государь... (Петр топнул ногой.) Господин бонбандир... (Тихон Стрешнев и кряхтеть боялся и кланяться боялся.) Подрядчики пускай доставят сначала, что должны по записи, а то что же с мертвых-то нам спрашивать...

— Не так... Дурак!.. А почему Иван Бровкин не ворует? Мои люди не воруют, а ваши все воруют?.. Подряды все передать Бровкину... Ушакова, Воронина — в железо, в Москву, к Ромодановскому...